

твора, у асобных строфах або радках, анафарычна, дыяфарычна, акраманаграмна, кантактна і дыстантна. Ад месца і колькасці паўтораных лексем залежыць іх функцыя: выдзяленне пэўнага слова з мэтай раскрыцця больш дакладнай семантыкі слова, сэнсу верша, удакладнення і развіццё думкі, дапаўненне інфармацыі, дакладная перадача аўтарскіх пачуццяў, раскрыццё тэмы і ідэі твора і інш., а ўсе разам служаць сродкамі гукавой арганізацыі твора.

Літаратура

1. Азарка В. Паўтор як сродак арганізацыі тэксту // Роднае слова. 1999. № 11. С. 90–94.
2. Бароўская І.А. Беларуская песенная лірыка: Моўна-выяўленчая сістэма вобразнасці. Гомель, 2004. 186 с.
3. Колас Якуб. Збор твораў: У 14-і т. Мінск: Мастацкая літаратура, 1972.
4. Ляшчынская В.А. Слова ў паэзіі Янкі Купалы. Мінск: Беларуская навука, 2004. 272 с.
5. Рагойша В.П. Паэтычны слоўнік. Мінск: Беларуская навука, 2004. 576 с.

А.И. Лазовская

КОНЦЕПТОСФЕРА РАССКАЗА ДИНЫ РУБИНОЙ “ТЕРНОВНИК”

Дина Рубина, наряду с Игорем Губерманом, Анатолием Алексиным, Ниной Воронель и др., является представительницей израильской ветви четвертой волны русской эмиграции.

Дина Рубина родилась в 1953 г. в семье художника и преподавательницы истории. В 16 лет она удачно дебютировала в популярном советском журнале “Юность”. Первый рассказ назывался “Беспокойная натура”. Далее последовали публикации в “Новом мире”, “Знамени”, “Огоньке”, “Дружбе народов” и др. изданиях. Дина Рубина покинула Россию в начале 90-х гг., будучи уже известным писателем. На сегодняшний день она – автор более тридцати книг, которые читают более чем на пятнадцати языках мира, лауреат известных литературных премий.

Произведения Дины Рубинной очень разнообразны как по жанру, (рассказы “Двойная фамилия”, “День уборки”, “Яблоки из сада Шлицбутера”, “Один интеллигент уселся на дороге” и др., новеллы “Две истории”, “На исходе августа”, “Область слепящего света” и др., повести “Камера наезжает”, “Во вратах твоих”, “На верхней Масловке” и др., романы “Вот идет Мессия”, “Синдикат” и др., путевые очерки (записки) “Воскресная месса в Толедо”,

“Холодная весна в Провансе” и др., эссе, четки “Иерусалимцы” и т. д.), стилю и направлению (социально-психологический и психологический реализм, постмодернизм), так и по содержанию.

Предметом данного исследования является рассказ Дины Рубиной “Терновник”, который рассматривается с позиции когнитивной лингвистики, принадлежащей к числу наиболее приоритетных и динамично развивающихся современных лингвистических направлений. Она исследует, “как хранятся наши знания о мире, как они структурированы” [4, с. 33].

Основным термином когнитивной лингвистики является **концепт**, который имеет разные толкования. Наиболее универсальное: “Концепт (от лат. *conceptus* – мысль, понятие), смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого имени” [1, с. 568]. Данное определение представляется лингвистам несовершенным, поэтому чаще используется следующее: концепт – это “семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры” [3, 36].

Термин **концептосфера** мы заимствуем у Д.С. Лихачева [2, с. 280], но употребляем его в узком значении “совокупность концептов произведения”.

Рассказ Дины Рубиной “Терновник” по праву можно считать образцом “женской прозы”. Он во многом автобиографичен: судьба главной героини повторяет судьбу писательницы: несчастливый брак, уход от мужа с маленьким ребенком, покупка кооперативной квартиры, беспросветная работа и попытка встать на ноги, воспитание сына – вот основа сюжета рассказа. Однако даже в таком небольшом произведении отразились представления автора о жизни, человеке, главных человеческих ценностях.

Рассказ “Терновник” включает в себя универсальные, базовые концепты (“любовь”, “семья”, “человек”, “дом”, “я”), национальные (“душа”, “страдания”, “жертва”) и индивидуально-авторские (“работа”, “выбор”, “воспитание”, “гордость”). Они взаимодействуют между собой, накладываются друг на друга и переосмысливаются, образуя в единстве и совокупности концептосферу произведения.

В качестве центрального хочется выделить концепт “семья”, который включает в себя следующие составляющие: “мать”, “мальчик” (“сын”), “отец”, “род”. Для называния главных героев рассказа

практически не используются имена собственные (только один раз упоминается имя сына – Сережа и три раза имя матери – Марина, Мариша). Этот прием помогает создать на примере единичного максимально обобщенный образ семьи. В нарушение традиционному представлению о семье Дина Рубина изображает семью неполную, состоящую из двух человек – матери и ребенка, исключает мужчину – отца, считая такое явление актуальным времени.

Пересматриваются также традиционные отношения внутри семьи на уровне “мать – сын” (они становятся более демократичными): ребенок называет мать по имени: – *Ой, Марина! – ахнул мальчик. – Какие красивые!* [5, с. 369]; *В первый миг мальчик захотел взять фотографию, объяснить отцу – я забрал карточку, где веселая Марина...* [5, с. 393] и др. Ребенок и ведет себя как маленький взрослый, что вызывает недоумение отца: – *А ты у меня философом стал... Раньше времени...* [5, с. 392] и др.

Мир отца и мир матери полярны. Он и она различны по характеру, являются носителями разных ценностей. Пересматриваются представления о мужчине и женщине. Традиционная оппозиция “мужественность / женственность” и следующие за ним противопоставления “сила / слабость” опрокидываются: *У матери силы были, очень много было сил* [5, с. 366].

В рассказе не мужчина ведет себя благородно, а женщина: в ситуации разлада именно она уходит из дома с ребенком, не взяв с собой ничего из нажитых вещей, оставляя мужчину в пространстве обустроенного быта, что вполне устраивает последнего. Облик отца прозаизируется. Он проявляет чрезмерное внимание к вещам и собственной внешности, педантичен в делах: *Тот брился тщательно, дотошно, как делал все* [5, с. 391], в какой-то мере даже оребячивается: *На них не угодишь. Одна твердит: “Думай, думай обо всем!” ... Другой третий год сказку про медведя и зайчика рассказывает...* [5, с. 392].

Мать умеет сочувствовать, сопереживать, сострадать людям, извинять им их недостатки, помогать. Она является носителем гуманистических ценностей и хочет видеть их в сыне: – *Не может заработать! Понимаешь?! Бывает так. Сил нет у человека. Нет сил ни заработать, ни жить на свете. Может, горе было большое, война, может, еще что... Спился! Сломался... Нет сил!...* [5, с. 366].

Отец – большой прагматик и, в отличие от нее, вполне современный человек: *Мальчик встрепенулся: – Папа! Дай денег! – Зачем? – спросил отец. – Я нищему подам! – Этого еще не хватало – алкоголиков поить! –*

А мы с Мариной всегда подаем, – сказал мальчик и пожалел, что сказал [5, с. 393].

Мать представляется мальчику очень разной: *Вот мать была объемной: и круглой и с углами, и шершавой и гладкой, и тихой и громкой – в матери столько всего было понаверчено* [5, с. 381]. На протяжении всего рассказа она реализует разные свои качества.

“Мать”, как семантическую часть концепта “семья”, определяют разные части речи: существительные, прилагательные, но больше всего глаголы разных семантических групп: работать, воспитывать, плакать, любить, рассказывать, объяснять, возмущаться, орать, кричать, накаляться, ругаться, стирать, готовить и др.

В качестве наиболее значимого отметим глагол *работать*, который является одновременно составляющим концепта “работа”. В тексте встречаются его синонимы: *ишачить* (простореч.), *хрясить* (простореч.), *пахать* (простореч.) и др. Слово *работа* особенно частотно употребляется в тексте, и чаще всего с эпитетом *левая*, при этом оба слова пишутся с большой буквы и составляют понятие *Левая Работа*. Работа занимает совершенно особенное место в жизни матери и мальчика. Она, словно божество, регламентирует всю жизнь семьи: *Непонятно, откуда она бралась, эта Левая Работа, она подстерегала их, как бандит из-за угла. Она насккивала на их жизнь, как одноглазый пират с кривым ножом, и сразу все подчиняла себе. Кромсала этим ножом все планы... Можно сказать она была третьим членом их семьи, самым главным, потому что от нее зависело все...* [5, с. 362–363]. Мальчик воспринимал ее как живое существо: – *У меня срочная левая работа! – Чтоб она сдохла... – бормотал мальчик* [5, с. 365]; – *Сгинет когда-нибудь эта многоголовая, хвостатая, когтистая Левая Работа!* [5, с. 387].

Важное место в рассказе занимают концепты “человек”, “я”, и “воспитание”. Они взаимосвязаны между собой. Мать хочет вырастить (воспитать) из сына человека: *Скажет только обессиленно: “Станешь ты когда-нибудь человеком, а?”* [5, с. 360]; *Мы купим все автомобили в магазине, но ты у меня вырастешь человеком. А если не человеком, то я убью тебя собственными руками* [5, с. 378]. Даже в эпоху прагматизма и всеобщего безразличия она желает привить сыну гуманистические ценности, которые постепенно уходят в прошлое. Ее система воспитания построена на преодолении эгоизма, на принесении в жертву мелких личных интересов во благо другим людям. Мир материального она никогда не считала главным.

Иные качества стремится привить ему отец. Мир отца проще, понятнее, он не предполагает мучительного преодоления, борьбы с собой. Этот мир более вещный, нежели духовный и приносит легкие удовольствия: *С отцом-то было легко, спокойно* [5, с. 370]; *Да, отец дарил веселые подарки, интересные и этим выгодно отличался от матери* [5, с. 371]; *Приятное начиналось с отцовских карманов* [5, с. 389]; *... и тут, в мягкой подушке тонула праздничная, буйная, зеленая в красных яблоках суббота* [5, с. 389].

Мальчик постоянно находится в состоянии выбора, и можно только предполагать, какой из двух миров он примет: *Он шел от отца к матери, словно плыл от одного берега к другому. Трудно плыл, как против течения* [5, с. 398].

Его “я” формируется в сложной борьбе с собой. Символом этой борьбы, а также трудностей, испытаний, страданий является в рассказе терновник. Концепт “терновник” очень важен, т. к. появляется неоднократно и стоит в сильной позиции текста (название, последняя строка): *Терновник тянул к самой решетке окна свою скрюченную руку с корявыми пальцами... Если присмотреться, можно различить в сплетении веток большую корявую букву “Я”, она как будто шагает по перекладине решетки* [5, с. 364–365]; *За окном спустилась темень, и не видать было терновника, и не видать было, как шагает в неизвестные дали самостоятельная и отважная буква “Я”...* [5, с. 398].

Терновник, как мы видим, имеет в рассказе как конкретное значение (дерево за окном), так и аллегорическое, берущее начало в христианской традиции: *Вот дерево терновник. Очень древнее дерево. Колючки видишь? Это тернии. Из таких колючек люди однажды сплели терновый венок и надели на голову одному человеку. – За что? – испугался он. – А, непонятно... До сих пор непонятно...* [5, с. 364].

Концепт “страдание”, воплощаемый терновником, тесно связан с концептом “любовь”. Последний также находится в рассказе в сильной позиции. Вот первые фразы произведения: *Мальчик любил мать. И она любила мальчика страстно. Но ничего толкового из этой любви не получалось* [5, с. 359]. Глагол *любить* употребляется в тексте с наречиями *страстно, очень* и др. Любовь признается героиней главной ценностью, основой жизни; ради нее можно вытерпеть очень многое. Концепт “любовь” связан с важным для русской нации концептом “душа”: *Баба Шура не была здесь посторонней, она любила мальчика и его мать, болела за них душой...* [5, с. 375].

Следует упомянуть о еще одном концепте, который является особенно значимым для “женской прозы”. В рассказе он реализуется посредством слов *дом, квартира, кооператив*. Данный концепт вбирает в себя семантическое поле “вещи”, однако оно не является главным. Это доказывает то, как мальчик воспринимает дома матери и отца: *Нет, дом был там, где была мать. Это мальчик чувствовал очень остро. Даже когда не существовало вообще никакого дома и они ютились у тети Тамары с дядей Сережей, его дом был там, где находилась она – ее голос, ее запах, ее черный свитер, ее жестикация и выкрики* [5, с. 370–371]. Дом в рассказе является основным местом действия. Это защищенное пространство, в котором и мать, и мальчик чувствуют себя комфортно и счастливо, несмотря на неустроенность быта.

В рассказе “Терновник” в сгущенной форме нашли воплощение концепты, значимые в целом для творчества Дины Рубинной. Такие понятия, как “любовь”, “семья”, “человек”, “дом”, “страдание” и т. д. наряду с многими другими составляют концептосферу художественного мира данного мастера слова.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. 1456 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособ. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
4. Маслова В.А. Современные лингвистические направления: Методические рекомендации. Витебск: Издательство УО “ВГУ им. П.М. Машерова”, 2003. 40 с.
5. Рубина Д. Когда же пойдет снег?: Повести и рассказы. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 400 с.

А.В. Леванцэвіч

БЕЛАЕ І ЧОРНАЕ Ў ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСЦЕ НІНЫ МАЦЯШ

Як і многія іншыя прадметы, значэнне колераў “прайшло” міфалагічны этап, і да нашых дзён колеры захоўваюць сімвалічнае значэнне. Ва ўжытку першабытных людзей колеры былі вельмі важнымі магічна-заклінальнымі сродкамі. Колер быў своеасаблівым словам –